

Библиографический список

1. Васильковский А.П. История геологического исследования Северо-Востока СССР (дореволюционный период) / А.П. Васильковский // Краеведческие записки. – Магадан : Кни. изд-во, 1939. – Вып. 2. – С. 5–19.
2. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н.Н. Дикова. – М. : Наука, 1989. – 464 с.
3. Золото Колымы: фотоальбом. Магадан: Издат. дом «Дникий Север» / гл. ред. Ю.В. Прусс. – 2005. – С. 24–26.
4. Сидоров А.А. Золото Чукотки // Колымские вести. – 2000. – № 10. – С. 26–28.

СВОЯ СРЕДИ ЧУЖИХ? ОБРАЗ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XX в.

М.К. Кедя.

ЧНПУ им. Т.Г. Шевченко, г. Чернигов

Возрастающая популярность сибирской тематики в конце XIX–начале XX в. привела к ее появлению на страницах православной периодики Черниговской епархии. Региональные издания «Черниговские епархиальные ведомости» и «Вера и Жизнь» презентовали образ Сибири как «своего-чужого» – покоренного, но еще не интегрированного края, нуждающегося в новых школах и распространении православия. Роднящими Северо-Восток Малороссии с Сибирью темами журнального дискурса стали биографии митрополитов Иоанна Тобольского (Максимовича) и Антония Стаховского (архиепископов Черниговских, впоследствии митрополитов Тобольских и всея Сибири).

AT HOME AMONG STRANGERS? THE IMAGE OF SIBERIA IN UKRAINIAN ORTHODOX PERIODICALS IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Marina K. Keda.

*Chernigovsk National Pedagogical University named after
T.G. Shevchenko, the city of Chernigov*

The article is devoted to the questions of arising popularity of Siberian topics in the late XIX–early XX centuries, which led to the development of Orthodox periodicals in the Chernigorsk diocese. The

regional periodicals “Chernigorsk diocese chronicals” and “Faith and Life” represented the picture of Siberia as a “A ‘non-stranger’ is among the strangers” – a conquered, but not yet integrated population which needed schools and Orthodox faith ‘distribution’. The topics of journalistic discourse biography Metropolitan John of Tobolsk (Maksimovic) and Anthony Stakhovsky (Archbishop of Chernigov, later Metropolitan of Tobolsk and All Siberia) became the topics that became dear for both of North-Eastern part of Russia and Siberia.

Присоединение к Российской империи Сибири поставило перед центральной властью проблему ее ментальной интеграции. Аналогичный вопрос в отношении земель Малороссии давно уже не имел такой остроты, но с активизацией украинского национального движения в конце XIX–начале XX в. в политике имперского центра вновь возрастает степень ненадежности, всплывает термин «мазепинство», актуализируется образ своей/чужой «Малой Руси». И если тенденция идентифицировать давно интегрированных малороссов как «других» русских носила скорее политический оттенок, то инаковость Сибири подчеркивалась национально-религиозной (не православной) принадлежностью.

В начале XX в. власти с целью привлечь мигрантов активизируют пропагандистскую кампанию по созданию привлекательного образа Сибири. Его презентация на страницах ведущих имперских журналов уже становилась предметом внимания ученых [8], однако региональные особенности этого концепта по-прежнему представляют интерес.

Поскольку Черниговская губерния долгое время была одним из основных доноров переселенцев на восток, то в качестве объекта исследования были выбраны журналы Черниговской епархии «Черниговский епархиальные известия» (1861–1911, ред. с 1901 г. И.Н. Лебедев, далее – ЧЕИ) и «Вера и Жизнь» (1912–1917, ред. С.В. Савинский, далее – ВЖ). В отличие от других православных периодических изданий епархии эти два «толстых» журнала, относящихся к качественной прессе [1], выходили дважды в месяц, содержали глубокую аналитику, ссылки на источники информации, кроме краеведческих материалов предлагали статьи по истории других регионов империи. Как информационные органы православной церкви, являющейся частью государственной

структуры, эти консервативные журналы были фактически поставлены на службу правительству. Ориентированные на широкую аудиторную группу, они имели значительный прагматический потенциал.

Применение методов сплошной выборки лексем и репрезентативной выборки публикаций (в зависимости от доступа к отдельным экземплярам изданий) позволяет сделать следующие выводы.

Географические рамки Сибири в дискурсе журналов трактовал в самом широком смысле: по границам Тобольской епархии XVIII в. – «от Бухтомы и Кяхты до Обдорска и Колымы; с запада – от Уральских гор до Камчатки» [9, с. 46]. Сибирь и ее регионы (включая Дальний Восток) представлены как «отдаленный и далекий суровый по климату край», «отдаленный Енисейский край», «далекая чужбина», «далекие окраины Сибири» и т. д.

Упоминания о Сибири в конце XIX в. были относительно нечасты и носили скорее ситуативный характер. В начале XX в. их количество резко возрастает. Во многом образ Сибири совпал с общеимперскими тенденциями презентации этого региона, выявленными Н. Родигиной в центральных «толстых» журналах [8]. Особенностью церковной периодики Черниговской епархии являлся поиск точек соприкосновения, родственных тем.

В отдельную категорию можно выделить статьи, посвященные биографиям черниговских архиепископов Иоанна Максимовича (№ 9–10 ВЖ за 1916 г. целиком посвящен его деяниям) и Антония Стаховского, возглавлявших впоследствии митрополию Сибирскую и Тобольскую, а также эпизоды из биографий архимандритов Якутского Спасского монастыря Феофана и Илариона Лежайского, родом из Малороссии. Пребывание этих архиереев в Сибири характеризуется как «подвиг», обусловленный значительным объемом работы по оправославливанию населения. Религиозно-нравственное состояние региона определяется как «весьма прискорбное: образованного духовенства не было, а везде царило идолопоклонство и Сибирь наводнялась фанатиками-раскольниками самого вредного направления» [9, с. 46].

Причины перевода И. Максимовича в Тобольск деловито характеризуются как «назначение» талантливого архиепископа «способного распространять свет Христовой веры среди азиатских народов». Прослеживается сочувствие к устроителю «Чернигов-

ских Афин», который после 14-летней плодотворнейшей работы в Чернигове «призван был на более трудный пост...», получив «на склоне лет великое дело устроения церкви в далекой Сибири» [5, с. 16; 7, с. 7]. Подчеркивается, что «близкий и родной» черниговский святитель «не менее заботился об инородцах западной Сибири» [2, с. 59; 9, с. 48].

Инородцы часто фигурируют как «дети природы», требующие особого внимания и «света православной веры». Дискурс сюжетов об организации школ и постройки церквей, как правило, информативный, рациональный. Сильнее метафорически подчеркивается необходимость оправославливания народов Сибири [6].

Создается выразительное семантическое поле «помощи» (великой и благородной миссии) в первую очередь переселенцам, доступ которых к храму в Сибири «крайне затруднителен». Указывается, что при отсутствии школ и церкви подрастающим поколениям «грозит опасность духовно одичать», а устройство каждой новой церкви или школы «приносит великую радость и пользу многим тысячам бедняков новоселов» [6, с. 267]. Обращается внимание на помощь православной церкви населению Сибири: «обращенным в христианство инородцам, порывающим обыкновенно связь с своими прежними единоверцами, вследствие недоброжелательности последних... оказывает помощь... обувь, одежду, муку, семена, деньги на покупку лошади и коровы, вносит «культурность в среду инородцев-кочевников» [4, с. 242]. Некоторая идеализация деятельности православных миссий имела четкую прагматику актуализировать тему колонизации региона, подчеркивая, что «задержанное войной... переселенческое движение в Сибирь, вновь разрешено и несомненно, тысячи и десятки тысяч новых переселенцев устремятся вновь на свободные земли Сибири, ища возможности более сносно, чем на родине устроить свое благополучие» [6, с. 268].

В следующую группу можно объединить статьи, представляющие образы некоторых сибирских регионов. Так, отдельного внимания редакторов ЧЕИ заслужило открытие православного Камчатского братства [3]. Неуверенность автора, куда отнести Камчатку – к уже своим или еще чужим, порождает выразительную дихотомию «Россия»/«не-Россия»: прибытие миссио-

нера с Дальнего Востока характеризуется как возвращение именно «в Россию», после чего ускоряется «сближение России с Камчаткой». И тут же указывается: «быть не может, чтобы Россия забыла свой израненный и обгащенный мученической, еще не застывшей кровью Дальний Восток» [3, с. 404] (курсив. – Наш).

Камчатка представлена как «далекая», «отдаленная, почти дотоле неведомая», подчеркивается ее стратегический потенциал: «богатую Россию немало греет, одевает и украшает мехом убогая, голая Камчатка, а сама за то почти ничего не получает...» [3, с. 403]. Значимость миссии иеромонаха Нестора подчеркивается лексемами «убогая жизнь камчатских обитателей... и ненормальное отношение к ним со стороны заезжих русских людей и иностранцев, извлекавших выгоду себе», «жизнь среди снежной пустыни», «дикая подземная жизнь... совместно с грязными, дикими, больными и голодными людьми, с собаками и дикими зверями» [3, с. 403–404].

Поскольку средства, собранные по Черниговской епархии в пользу Миссионерского общества, шли «почти целиком» на содержание Алтайской миссии, редакция ЧЕИ посчитала необходимым в специальной публикации ознакомить читателей с результатами ее работы. Тут образ неправославного «другого» приобретает черты врага. Кроме «суровых климатических условий», автор акцентирует внимание на таких трудностях, как «враждебное отношение не только со стороны языческого населения, но и со стороны старообрядцев, а также со стороны ламаитов, часто посещающих пограничные местности под видом купцов и настойчиво проводящих среди местных калмыков свои верования... и магометан» [4, с. 242]. Образ врага создавался для сплочения православного населения в связи с надвигающейся «серьезной опасностью... русской национальной государственности».

В отдельную категорию можно выделить ситуативное употребление лексемы «Сибирь»: например, в многочисленных статьях о староверах, массово переселявшихся в регион, или переселенцах-чехах, ходатайствовавших во время Первой мировой войны «о зачислении их в русско-подданные с избранием постоянного места жительства в Сибири» и т. п.

Таким образом, «иных» по отношению к имперскому центру Малороссию и Сибирь в начале XX в. объединяла не только переселенческая политика, но и ментальное увязывание импер-

ских окраин в общее православное пространство. Прагматика официальных печатных дискурсов в отношении регионов была очевидна: через лексемы «свободный», «благополучие», «более сносно, чем на родине» и другие создать привлекательный образ далекой Сибири, населенной не только чужими, но и «близкими и родными» людьми.

Библиографический список

1. Бойко А. Преса православної церкви України кінця ХІХ–початку ХХ століття: тематика і проблематика. – Автореф. дис.... д-ра філол. наук. – Киев, 2002. – 31 с.
2. Ефимов А. Святитель Божий Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и всея Сибири (1651–1715 гг.) // ВЖ. – 1915. – № 11–12. – С. 25–63.
3. К открытию Православного Камчатского братства / [подпись: ред. И. Лебедев] // ЧЕИ. – 1911. – № 12. – С. 402–417.
4. Краткие сведения о состоянии Алтайской миссии // ЧЕИ. – 1906. – № 7. – С. 241–243.
5. Послание Братства Св. Михаила, Князя Черниговского, Церкви Тобольской по случаю прославления Святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского // ВЖ. – 1916. – № 9–10. – С. 10–18.
6. Постройка церквей и школ в Сибири при помощи фонда императора Александра III // ЧЕИ. – 1907. – № 7. – С. 266–268.
7. Предложение Преосвященнейшего Василия, Епископа Черниговского и Нежинского, в Епархиальный Совет Братства Св. Михаила, князя Черниговского, о праздновании Черниговскою епархией дня прославления св. Иоанна, митрополита Тобольского // ВЖ. – 1916. – № 9–10. – С. 5–9.
8. Родигина Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины ХІХ–начала ХХ века / Н. Родигина, В. Зверев. – Новосибирск : НГПУ, 2006. – 343 с.
9. Святитель Божий Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и всея Сибири (жизнеописание) // ВЖ. – 1916. – № 9–10. – С. 28–48.